

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ

Острота и ее структуры в психоаналитическом лечении

С. А. Овсянникова

Овсянникова Светлана Александровна – Ph.D, Институт Зигмунда Фрейда (г. Вена), магистр РГГУ, Институт психологии им. Выготского, психоаналитически ориентированный психотерапевт, aSu (Австрия).

Фрейд оставил в наследство психоаналитикам великое множество тем и концепций. Ряд из них имеет непосредственное отношение к клинической технике, так что нет ничего удивительного, что к ним обращаются наиболее часто и подвергают постоянной разработке на ниве практики – таковыми являются концепции переноса, защит, вытеснения. Иные концепты, напротив, представляя собой отдельные фрейдовские исследования, на первый взгляд не находят практического приложения и чаще всего остаются уделом философов и непрaktикующих интеллектуалов.

Работа посвящена концепции остроумия, носящей в этом смысле промежуточный характер – чаще всего она рассматривается как крайне интересная и глубокая разработка Фрейда, не находящаяся при этом в связи с клиникой и терапией невротоз. Целью статьи является коррекция подобного восприятия и выведение роли остроумия в аналитической терапии на передний план.

Ключевые слова: структурный психоанализ, работа остроумия, психоаналитическое лечение, означающее, нехватка.

Тема остроумия занимает значимое место как в психоанализе, так и в гуманитарных и естественнонаучных дисциплинах, включая нейропсихологию, а также намечающийся новый синтез этих дисциплин – такой как нейропсихоанализ. В то же время проблематика остроумия демонстрирует много слепых пятен, и одно из наиболее заметных – это применение в психоаналитической клинике сугубо теоретического на первый взгляд открытия Фрейда, описавшего механизмы возникновения остроты и ее влияние на субъекта.

Как хорошо сегодня известно, исследование остроумия и его неразрывной связи с речевым процессом, а также возникающих на базе работы остроумия отношений субъекта с инстанцией Другого было предпринято Фрейдом в трилогии работ, посвященных языку и его связи с бессознательным: «Толкование сновидений» (1900), «Психопатология обыденной жизни» (1901) и «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905). Три этих произведения, с нашей точки зрения, выступают единым корпусом-наброском фундаментальной теории, в отношении которой Фрейд выступил первооткрывателем, завещав ее развитие последователям. Опираясь на эти труды, а также корпус семинаров Жака Лакана 1957–1980 годов, опишем работу остроумия в ее теоретическом и одновременно прикладном клиническом значении.

Итак, острота выступает как лингвистическая, но одновременно и выделенная Фрейдом метапсихологическая мера наличия «работы остроумия» в разрабатываемой им концепции бессознательного. Что подразумевает Фрейд под остротой? В первом приближении его определение совпадает с общераспространенным: острота – это такая игра словами, когда из одного слова может образоваться два или, напротив, из двух – одно. Иногда в словах перемешиваются буквы, они могут переставляться местами, или одно слово заменяет другое, но так, что сохраняет его грамматическую форму. Другими словами, острота – это трюк, фокус-покус, или мысленный ляп.

В то же время из этого достаточно тривиального уже для тогдашних лингвистов факта Фрейд выводит оригинальную науку о «психическом», представляющую собой описание открывающихся для субъекта возможностей благодаря работе остроумия образовывать новые типы символических связей и виды отношений. Возможности эти закреплены в самой структуре остроты, предполагающей переадресацию и отсылку означющего к иному содержанию и тем самым открепление этого означющего от привычной смысловой нагрузки. Благодаря сдвигам в лингвистическом пространстве для субъекта на психическом уровне открывается возможность совершать переход к другому объекту удовлетворения – аналогия, легшая в основу фрейдовского открытия.

Эта аналогия является ярчайшей из тех форм, которые Фрейд избирает для демонстрации отношений бессознательного (как психического регистра) с миром означающих (как регистра языкового) и сопутствующими ему явлениями. На примере работы остроумия фрейдистская практика полномасштабно показала принципы, по которым действует бессознательное – прежде всего через такие проявления, как острота, а также сновидение. В этом же ряду находится и сам анализ, подразумевающий свободное речевое производство со стороны пациента. Все эти явления в опоре на фрейдовскую гипотезу остроумия могут быть описаны не только психодинамически, но и структурно, поскольку связаны с языком и его свойствами, а не с аффектами и психической активностью напрямую.

Впоследствии Фрейдом было отмечено: «Моя книга "Остроумие и его отношение к бессознательному" (1905) представляет собой побочный продукт "Толкования сновидений". Единственный из друзей, принимавший

тогда участие в моей работе, заметил, что мои толкования сновидений остроумны. Чтобы объяснить это впечатление, я и предпринял исследование остроумных высказываний и обнаружил, что их сущность заключена в их технических средствах, последние же совпадают с приемами "работы сновидений", т. е. представляют собой "сгущение", "смещение", изображение через противоположное, через умаление и т. д. К этому я присоединил исследование фактора экономии, показывающее, каким образом у слушателя возникает чувство удовольствия от остроты. Ответ гласил: «благодаря моментальному устранению психических издержек на вытеснение после привлечения слушателя с помощью поощрительной премии предвкушения удовольствия» (Фрейд, 2006, с. 66).

Тем самым Фрейд говорит нам, что посредством остроты субъект может добиться, по крайней мере до определенной степени, удовлетворения своего желания – многообещающее заявление, учитывая, что эту роль он ранее отводил только сновидению. В то же время Фрейд сразу вводит некое важное обстоятельство, существенно осложняющее положение желающего субъекта, поскольку в рамках подействовавшей остроты тот получает не объект желания – не то, что буквально закрывает его потребности рот, а нечто иное: новое удовлетворение, которое несет с собой острота.

Налицо созданная Фрейдом диалектика «не того», некоторого несовпадающего остатка удовлетворения. В рамках этой диалектики очевидно уместно задаться вопросом: получить «не то», что намеревался, – это значит получить «меньше» или все же получить что-то «другое» (возможно, ничуть не уступающее по значимости, если не наоборот)?

Именно посредством этого вопроса, которым использующий остроту субъект невольно задается, Фрейд показывает самую сердцевину учреждаемого остротой события в психическом мире. Так, сама неспособность субъекта определить, что именно с ним в ходе подействовавшей на него остроты произошло, и является причиной дополнительного удовлетворения, которое острота приносит. Поскольку смехом субъект раздражается раньше, чем не просто понял саму шутку, но и оценил, что именно она с ним сделала – в частности, как поменяла его психическую позицию в отношении Другого (в том числе постурологически: заставив принять позу беззащитности, связанной с внезапно полученным и непрошеным наслаждением), острота способна осуществить сдвиг в положении субъекта сразу на двух уровнях.

Невзирая на очевидную перспективность изучения диалектики этих уровней для теоретического и, вероятно, клинического аспекта развития психоаналитической дисциплины, наследующие Фрейду аналитики к данной стороне функционирования остроумия практически не обращались. Лишь после долгого перерыва проблема остроумия возвращается в психоаналитическую мысль – на пятом семинаре Жака Лакана 1957–1958 годов. В лекциях этого семинара Лакан продолжает исследовать приемы срабатывания остроумия, ранее открытые Фрейдом, называя фрейдовское сгущение «метафорой», а смещение – «метонимией» (Лакан, 2002).

Мы могли бы подытожить значение этого семинара тезисом, в котором сформулируем основной плод размышлений Лакана, состоящий, на наш

взгляд, в том, что нечто в самом субъекте, в его психическом устройстве, может рассматриваться как структурированное в виде шутки, остроты. Именно по этой причине субъект действует в пространстве речи через метафору и метонимию, используя задаваемую ими динамику и предполагаемые типы связей для поиска объекта удовлетворения и возможной разрядки катектического напряжения.

Здесь уместно прямо перейти к развитию лакановского взгляда сегодня – к тем, кто его линию в настоящий момент продолжает. Мы имеем в виду Дерека Хука, Калум Нейл и других постлакановских аналитиков, исследующих проблему остроумия в русле открытого Лаканом структурного анализа. Все эти исследователи, опираясь на последние данные развитого континентальными философами учения о субъективации и его неразрывной связи с инстанцией *означающего*, также вслед за Лаканом приходят к мысли, что острота конгениальна (соструктурна) субъекту. Более того, их работы демонстрируют, что разрозненные части самого лакановского учения (такие как его ранние воззрения на метонимию в становлении субъектного Эдипа, но также взгляды зрелого Лакана на роль аналитического прерывания и организацию абстиненции в клиническом сеттинге) задним числом можно также связать через концепт остроумия.

Тем самым оказывается сделан следующий шаг: функционирование остроты, ее структура конгениальны не только устройству желаемого субъекта, но и самой процедуре анализа, включая также то, что субъектом в ходе психоаналитического лечения может быть усвоено. Именно в шутке и ни в чем ином можно проследить не только описанный Лаканом вслед за Фрейдом переход от одного означающего к другому означающему – как минимальную единицу речевой структуры, но и другие, более комплексные типы переходов, учреждаемых самой аналитической процедурой: переход от молчания к речи и далее – от описанной Лаканом симптоматической «речи с аналитиком, но не о себе» к аналитической «речи о себе к другому», знаменующей поворот в ходе лечения (Лакан, 2002).

Необходимо спросить, что именно в остроте обеспечивает момент самой поворотности для субъекта? В силу чего вместе с происходящими в остроте структурными изменениями, в субъекте, например, в организации его симптома в ходе анализирования – также могут наступить некоторые перемены? Хук дает оригинальный ответ: с его точки зрения в моменте перехода от одного означающего к другому (момент остроты) происходит также «пропажа» субъекта (Hook, 2022, p. 85–86).

Таким образом, субъект не просто пассивно пожинает плоды созданных остротой структурных изменений – в данном случае это плоды удовлетворения, которое острота приносит, – но он также претерпевает нечто на *активной* основе. В тот момент, когда острота – или схожим образом функционирующая с ней структура (сновидение, анализ) – осуществляют присущий этой структуре «поворот» как радикальное изменение свойства, также находящемуся в этой структуре субъекту приходится «исчезнуть» в своем прежнем качестве, чтобы через миг появиться снова, уже в ином. Субъект тем самым постоянно «мигает» как проблесковый маячок – само его существование не непрерывного свойства.

Именно такое принятие субъектом чередований означающих, их исчезновение и появление лежит в основе психоаналитического лечения. В самом ходе анализа субъект может быть «раскрыт» – то есть подвергнуться изменениям – только в тот момент, когда преобладание означающего, которое поддерживает воображаемое единство эго анализанта, нарушается и очищенное от «смысла» означающее внезапно, как бы переменяя свою участь, предлагает неожиданный, подавленный до того бессознательный смысл.

В таком мимолетном появлении этого означающего субъект сам по себе – это вспышка, импульс, который быстро исчезает. Его раскрытие мгновенно, и, как и в случае с шуткой и ее кратковременным эффектом, «откровение» длится недолго и почти сразу же вновь подавляется. Более того, теперь только от субъекта зависит, готов ли он принять более, как обозначает это Хук, «разрушительную знаковость», открытую шуткой или работой, производимой в анализе. Через эту этическую возможность, в результате перемены отношения к тому, что человек (как субъект анализа) сказал, но не имел в виду (как носитель эго и невротических защит), только и может произойти субъективное изменение. Согласно Фрейду, только сновидец дает разрешение на интерпретацию своего сна: и то же самое относится к степени, в которой субъект принимает бессознательное значение и воздействие шутки – в том числе в виде собственной оговорки или связанного с анализом отреагирования «действием».

Именно в речи анализанта раскрывается смысл его симптома, и это может позволить по-другому упорядочить грань производимого симптомом наслаждения, заставляющего страдать, что подобно работе остроумия, в котором – так же как и в анализе – происходит пересборка означающих. Речь идет об определении посредством анализа присущих субъекту способов наслаждаться и об изобретении иного, менее травматичного, менее болезненного и всегда индивидуального способа заново со своим наслаждением обойтись.

В рамках аналитической работы психоаналитик получает возможность направлять и поддерживать характерные для работы остроумия механизмы замещения, а также сподвигать анализанта к переводу фокуса потребности с объекта на внесубъектные (символические) механизмы удовлетворения, что является новоприобретенной способностью анализанта, а также выступает критерием успешности анализа независимо от того, избавится ли анализант от «симптома» полностью или же найдет способ с ним иметь дело другим способом.

В завершение теоретической части изложения мы предлагаем по пунктно проследить и обозначить сходство между работой остроумия и ходом аналитического лечения, выражающееся, на наш взгляд, в следующих процедурах:

1. Подвешивание (саспенс) поставляемого анализантом содержания. Невзирая на то что анализант в большей части случаев сугубо и даже чрезмерно серьезен в отношении сообщаемого им в анализе, аналитик в свою очередь никогда не обнаруживает ответной иронии, могущей

поставить пациента перед предположительным садизмом аналитической фигуры. Тем не менее аналитическая рамка (сеттинг, кадр) сама по себе предполагает закавычивание высказанного, ограниченность полномочий его решений и действий. Самим своим присутствием аналитик «иронически» намекает клиенту, что тот высказывается так, как если бы объекты его претензий и жалоб – например, в виде родительских фигур – скрывались в кабинете, и это *остроумно*, поскольку это не так и в то же время *так* в другом смысле, который анализанту еще предстоит для себя уяснить. Невзирая на общепризнанную ценность эмпатии аналитика в отношении анализанта, не следует забывать также и о том, что аналитик отвечает условным и также по-своему глубоко ироничным согласием на сообщения пациента, когда тот негодует и жалуется, в том числе на сам ход лечения. «Я говорю и говорю на сессиях постоянно, и мне это не помогает». «Вам это не помогает», – подтверждает (молчаливо) сама фигура создаваемого аналитиком присутствия. «Вам сейчас это действительно не помогает, потому что вы говорите не то» (имея в виду то, что пациенту следует не жаловаться, а продолжать производить полезную работу свободно и безадресного ассоциирования)¹.

Аналитик, разумеется, не сообщает пациенту напрямую о пертурбациях его аналитической позиции, тем самым избегая преждевременной истеризации анализанта, могущей заставить его бесплодно задумываться над тем, говорит ли он на сессиях «ценные» вещи, – беспокойство ведет лишь к дальнейшей задержке свободных ассоциаций и увеличению сопротивления. В то же время аналогия условно «ироничной» позиции аналитика с работой остроумия, равно как и присущее этой позиции «подвешивание» действий анализанта, сохраняется и позволяет ему продолжать речь.

2. Нечто близкое действию остроумия может быть обнаружено и в широко распространенном приеме аналитической «конфронтации»: особенно если та не содержит развернутых выяснений «истинных намерений» пациента или указаний на противоречивость его слов, а состоит по возможности из краткого приостанавливающего вмешательства.

Например, аналитик может предпринять вслед за пациентом останавливающий повтор определенного слова (операция редупликации), что побуждает пациента задуматься над тем, что под остановкой подразумевается, как если бы повторение побуждало задуматься, какое именно означающее анализант, не заметив того, сейчас использовал. Редупликация указывает на это означающее как на предельно важное, возможно, даже ключевое для бессознательных процессов анализанта, но при этом сам вопрос как будто содержит скрытую и крайне тонкую усмешку («Моя жена», – как бы неуверенно говорит пациент. «Ваша жена», – переспрашивая его

---

¹ Тут снова стоит упомянуть о трех стадиях речи в анализе, выделенных Лаканом: «Это соответствует формуле, которой мы воспользовались для выражения той же мысли в начале нашей деятельности. Субъект начинает анализ или говоря о себе, но не для вас, или говоря для вас, но не о себе. Когда он заговорит о себе с вами, считайте, что анализ закончен» (Лакан, 2009, с. 227).

или утвердительно повторяя вслед за ним, говорит аналитик, как бы подразумевая: «Что? Я не ослышался? Вот, значит, как вы это называете»).

А. Е. Смулянский в книге «Метафора Отца и желание аналитика» (Смулянский, 2019) возводит подобную редупликацию к тому, что можно назвать речью «реального отца». Последний является «реальным» в особом смысле, поскольку в качестве инстанции встречается субъекту и срывает только на уровне означающего. Для этой инстанции также характерна возможность подействовать в рамках работы остроумия, но особого типа: «реальный отец» не шутит в смысле, описанном Фрейдом, – то есть не рассказывает остроумные истории и даже не играет различными словами, а только лишь возвращает субъекту употребленное им означающее, за которое тот держится слишком сильно, причем возвращает в насмешливо-глумливом виде («Что, ты занялся *философией*? Да, твоя *шмилософия* очень тебе поможет в жизни»).

Аналитик в кабинете, разумеется, никогда так бесцеремонно с пациентом не поступает, поскольку цели у анализа совершенно иные. Тем не менее, согласно Смулянскому, определенный привкус, некоторое структурное наследие заданной «реальным отцом» операции «заземляющей» редупликации сохраняется в аналитической работе: аналитик каждую секунду готов вернуть анализанту употребленное им означающее, показав тем самым призрачную неочевидность его значения.

3. Лингвистическая структура остроты указывает на «нехватку» смысла, и именно с «нехваткой», присущей субъекту, работает аналитик на сессиях. В остроте (шутке) есть опора на то, чего субъекту не хватает – большинство шуток и анекдотов построено на том, что их герой получает не то, на что он рассчитывал, что само по себе вызывает смех. Как мы увидели выше, это касается и функционирования самой шутки: она в качестве совершенного другим подношения представляет собой «не то» – замену реального удовлетворения: например, в трудной жизненной ситуации вы хотели занять у знакомого денег, но у него их нет (или, что еще вероятнее, он не желает одалживать), и вместо этого он рассказывает забавные истории, убеждая тем самым вас в своем дружеском расположении. Достаточно добавить к этой ситуации измерение сексуального желания (снова неудовлетворенного), чтобы уяснить, как именно Фрейд остроту в пространстве субъективности располагает.

С этой точки зрения субъект получает остроту вместо чего-то еще и, несмотря на это, все же имеет возможность получить связанное с ней удовлетворение взамен желаемого. В то же время острота преподносит урок иллюзорности любой немедленной потребности в принципе. «Вы что-то спрашиваете, о чем-то просите, но на самом деле ваше желание – что-то Другое, и когда вам наконец дают то, о чем вы просили, вы все еще остаетесь озабоченными тем, что составляет ваше подлинное желание» (Миллер, 2004, с. 29). В самом этом несоответствии присутствует деяние бессознательного.

Выше мы ввели диалектику остроты, впервые подмеченную Фрейдом, согласно которой в остроте субъект получает меньше, чем потенциально возможное и обещанное удовлетворение, – поскольку ему приходится

довольствоваться лишь тенью, символическим эквивалентом реального объекта, – но одновременно, возможно, больше, поскольку обретает он, пусть даже на секунду, такое «иное», с которым ранее не имел дела и значения которого пока не представляет.

Не в точности это ли происходит и в анализе, где субъект, обращаясь к аналитику с «запросом», зачастую вполне конкретным, в итоге должен удовлетвориться тем, что анализ действительно может ему в его случае дать – что он смог из него в итоге извлечь? Почти всегда это оказывается «не тем», потому что не совпадает с первичным запросом, но значит ли это, что субъект не получил из анализа ничего или получил «меньше», чем мог рассчитывать?

Тем самым анализ не только «учит» субъекта обращаться со своей нехваткой, вызванной существованием симптома, но и сам выступает в роли того, что производит в субъекте нехватку. По итогам анализа субъект должен получить урок, что сам анализ тоже двусмысленен: в нем можно получить «не то» или «меньше», чем ожидаешь, но оно способно стать для субъекта в итоге самым необходимым – тем, что откроет для него поле его желания.

4. С работой остроумия аналитический процесс также роднит определенный символический порядок отправления присутствия анализанта на сессиях, где есть время говорить и молчать, когда говорит аналитик (порядок этот до некоторой степени напоминает о ситуации рассказывания анекдота, распределяющего роли между рассказывающим и слушающим). Так, Смулянский утверждает, что подобное чередование и является тем самым наиболее предельным законом, скрывающимся за инстанцией «отцовской метафоры», которую сам Лакан полагал чрезвычайно важным элементом, отвечающим за психическое функционирование структур субъектного желания: «Выступая там, где закон и запрет уже не служат для метафоры отца оболочкой, та в своем структурно очищенном пределе предстает в виде регулятора передачи полномочий другому. Теперь ты, твоя очередь действовать» – вот что, по сути, она говорит, учреждая особый порядок вещей, с одной стороны, основанный на чередовании, принцип которого заложен в инстанции означающего, а с другой – открывающий субъекту к этой очередности доступ (Смулянский, 2019, с. 264).

Продолжая мысль Смулянского, можно сказать, что именно это в анализе и происходит, поскольку на самом принципиальном своем уровне – уровне, обрамляемом сеттингом, устанавливающим отношения анализанта с желанием аналитика, а также со своим собственным желанием, – анализ учит субъекта *чередовать и чередоваться* с Другим в вопросах отправления желания как такового.

Таким образом, все, что мы можем сказать об анализе субъекта, можно сказать из анализа остроумия. Анализ структуры остроумия дает возможность проанализировать и структуру субъекта, так как в своем анализе он структурно устроен и функционирует как сама острота. Представляя собой сгущение нескольких означающих в одно новое означающее хорошо сделанная работа остроумия может быть сравнима с окончанием анализа, если рассматривать его, аналогичным образом, как конденсацию серии

знакомых, повторяющихся и болезненных означающих в новое означающее. В анализе анализируемый, принося аналитику свои истории, в конце сгущает их в то, что Жаком Миллером названо «le bien dire d'un Witz», хорошо сказанное остроумие (Миллер, 2004, с. 18–19).

Остроумие, таким образом, оказывается чем-то большим, нежели отдельная психическая способность или особенность функционирования субъекта в минуты веселья. Напротив, в лице работы остроумия перед нами указание на впечатляющую, масштабную структуру, охватывающую все, что «привязывает» субъекта к языку, к говорящему Другому и к разнообразным поворотам судьбы, которые взаимодействие с этим Другим в жизнь субъекта может принести. Именно остроумие делает возможным взаимодействие с тем, кто под маской «знающего Другого» позволяет субъекту делать свой анализ и в итоге нечто из него извлечь. Возможным это становится потому, что лингвистическое устройство говорящего субъекта, срабатывая как акт остроумия, оказывается конгенитальным, совозможным психоаналитической работе. Без всякого преувеличения можно утверждать: все, что мы способны сказать об анализе субъекта, проистекает из анализа остроты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лакан Ж.* «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. Семинары. Т. 2. М.: Гнозис, Логос, 1999.
2. *Лакан Ж.* Изнанка психоанализа. Семинары. Т. 17. М.: Гнозис, Логос, 2008.
3. *Лакан Ж.* Образования бессознательного. Семинары. Т. 5. М.: Гнозис, Логос, 2002.
4. *Лакан Ж.* Работы Фрейда по технике психоанализа. Семинары. Т. 1. М.: Гнозис, Логос, 2009.
5. *Лакан Ж.* Тревога. Семинары. Т. 10 (1962/1963). М.: Гнозис, Логос, 2010.
6. *Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу. М.: Высшая школа, 1996.
7. *Миллер Ж.-А.* О новом, введение в семинар V Жака Лакана // Московский психотерапевтический журнал. 2004. № 3.
8. *Смулянский А. Е.* Желание аналитика и метафора Отца: сексуация и ее преобразование в анализе. М.: ВШЭ, 2019.
9. *Фрейд З.* Автопортрет // Собр. соч.: в 26 т. ВЕИП, 2005. Т. 2.
10. *Фрейд З.* Остроумие и его отношение к бессознательному. М.: Азбука, 2015.
11. *Brill A.A.* (1911). Freuds Theory of wit. Journal of abnormal Psychology.
12. *Hook D., Calum N., Stijn V.* (2022). Reading Lacan's Écrits: From «Logical Time» to «Response to Jean Hyppolite». Routledge.
13. *Pluth E.* (2008). Signifiers and Acts: Freedom in Lacan's Theory of the Subject. State University of New York Press.

Wit and its structure in psychoanalytic treatment

S. A. Ovsyannikova

Ovsyannikova Svetlana A., Ph.D. Sigmund Freud Institute, Vienna, MSc. Vygotsky Institute of Psychology, psychoanalytically psychotherapist, ASu (Austria).

Freud bequeathed a vast number of topics and concepts to psychoanalysts. Some of them are directly related to clinical technique, so it is not surprising that they are regularly used and constantly developed in practice – such concepts as transfer, defense and repression. Other concepts, however, were the topic of separate studies by Freud, which at first glance do not have a practical application, and are usually of more interest to philosophers and non-practicing intellectuals.

This work investigates the concept of wit, which in this sense has an intermediary nature – it is usually seen as a highly interesting and profound area of Freud's research, which however lacks a connection with clinical practice and therapy of neuroses. This article aims to correct this perception and show that wit can play a prominent role in analytical therapy.

Keywords: structural psychoanalysis, function of the wit, psychoanalytic treatment, signifier, scarcity.